

ПОКОЛЕНИЯ ВО ВЛАСТИ И ПОЛИТИКЕ

«ПОКОЛЕНИЯ ЭЛИТ» VS «ЭЛИТА ПОКОЛЕНИЙ»: КОММУНИКАТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

К.Ф. Завершинский

(zavershinskiy200@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Завершинский К.Ф. «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 123–147.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.5>

Аннотация. *Рассматриваются специфика и роль политической социализации в поколенческой преемственности и институционализации политических элит в реалиях современных политических коммуникаций. Диверсификация символического производства, умножение акторов политических коммуникаций, растущая вариативность политических идеологий и способов репрезентации политики актуализирует теоретическое моделирование политической социализации как специфической политической коммуникации, зависящей от особенностей пространственно-временного дизайна политических событий в тех или иных национальных сообществах. По мнению автора, это позволяет учитывать различия в восприятии значимости тех или иных политических событий поколениями и особенности позиционирования политических элит. В этом случае процесс формирования политических элит не редуцируется к процессу смены «поколений элит», их рекрутированию или адаптации новых поколений к существующим ценностно-нормативным режимам посредством политики социализации, осуществляемой доминирующими элитными группами. Конституирование политических элит предстает как коммуникативный процесс символического структурирования политических ожиданий поколений и возникновения на этой основе политических*

поколений и «политической элиты поколений». Решающую роль в исследовании специфики политической социализации поколений и возникающих при этом политических элит играет изучение динамики символических структур национальной памяти, включающих разнообразные конкурирующие символические репрезентации образов прошлого и будущего, типологии героического, представлений о вине и ответственности. Автор подчеркивает важность анализа действительности символических структур политической памяти и роли политических нарративов при исследовании политики межпоколенческой преемственности и возникновении на этой основе политических поколений и политических элит. Используя теоретические и практические экспликации современной культурсоциологии как методологическую основу, автор предлагает новые теоретические подходы к изучению политической социализации поколений в современном обществе.

Ключевые слова: политическая социализация, политические ожидания, политические поколения, политические элиты, политическая память, символические структуры, политические нарративы

ВВЕДЕНИЕ

Концептуальная сопряженность понятий «элита», «поколение» и «политическая социализация» достаточно устойчиво присутствует в дискурсе научных исследований социокультурной динамикой политических элит, их циркуляции и активности в сфере легитимации политических решений и конструирования национальной идентичности. Наиболее очевидно подобная семантическая смежность артикулирована в исследованиях, связанных с изучением факторов (экономических, культурных, социальных, политических), влияющих на процесс социализации и институционализации политических элит. Вторая значимая предметная область, где присутствует дискурс политической социализации, связана с изучением политики элит по отношению к молодым возрастным стратам, способов контроля за их политической активностью и практик обеспечения политической преемственности в реализации политики элитного доминирования. Подобные исследования призваны объяснить влияние практик политической социализации на процесс циркуляции и сменяемости *возрастных поколений элит*. При этом политическая социализация чаще всего рассматривается как «зависимая производная» от активности политических элит и особенностей их институционализации.

Вместе с тем в условиях растущей мобильности политических коммуникаций все более проблемной становится социализирующая роль политических элит и традиционных институтов политической социализации по обеспечению процесса поколенческой преемственности и рекрутирования в свой состав представителей новых возрастных поколений. Мир переживает процессы трансформации национальных политических систем, сопровождающихся не только традиционными ценностно-нормативными межпоколенческими конфликтами и естественной возрастной ротацией состава политических элит, но и качественными изменениями социокультурных параметров взаимосвязи поколенческих общностей и политических элит при их политической самоидентификации.

В исследованиях процессов коммуникативных процессов современного общества, сопровождающихся цифровой революцией, отмечается, что, хотя новые коммуникативные технологии при первом приближении расширяют возможности для политизации публичной сферы, процесс политизации все интенсивней осуществляется за рамками создаваемых элитами институтов социализации посредством массмедиа и интернета при росте доли неполитических элит на политических позициях. Все это размывает пространственно-временные границы политической социализации и идентичности элит [Robles-Morales, Córdoba-Hernández 2019]. Процессы радикальной индивидуализации политических коммуникаций ведут к появлению новых закрытых пространств, тотальному тиражированию профанного знания о политике [Stiegler 2019]. Растет идеологическая индоктринированность участников политических коммуникаций, политическая неосведомленность часто переходит в нетерпимость к иным точкам зрения и агрессию [Social Movements 2018].

В современном мире прослеживается тотальная диверсификация и эрозия ценностно-нормативных оснований политики, что существенно снижает эффективность политической социализации, осуществляемой элитными группами и социально-политическими институтами. Это связано с вариативностью и гибридизацией политических идеологий и институтов, реализующих политику политической преемственности. Кроме того, эта дисперсия артикулирует проблему, связанную с тем, что на первый взгляд успешные стратегии социализации молодежи в экономической, образовательных и иных социальных сферах отнюдь не ведут к оформлению позитивной политической идентич-

ности или политической идентичности вообще. Подобные процессы актуализируют исследование специфики реализации социальными элитами политики политической социализации и особенностей их политической самоидентификации как *производной от символических структур политических взаимодействий поколений*. Несмотря на то что «элиты — хранители культурно-исторических смыслов», их властное влияние и легитимность основана на консенсусе с наиболее активной частью населения и «совместно переживаемой героической и трагической истории, вырабатывающими общую идентичность» [Дука 2020: 98, 118].

В этом контексте политическую социализацию можно рассматривать как своего рода относительно независимую, *первичную переменную, детерминированную* не только целенаправленной организационной или идеологической активностью культурных и политических элит или социальных институтов, но и процессами структурирования горизонтов политических ожиданий поколений в политической памяти общества. В процессе совместности политических ожиданий происходит оформление *политических поколений* и возникает политическая элита, инкорпорирующая в себя представителей как «старших», так новых возрастных страт (*политическая элита поколений*). Если этого не происходит, и политическая совместность не возникает, то обостряются конфликты как между элитными группами, так и между возрастными стратами, несмотря на видимость успешности социально-экономической или профессиональной социализации молодежи. Состояние социальной стабильной быстро может заместиться инволюцией, политическим хаосом и ростом неконтролируемого политического насилия.

Процессы, связанные с разрушением ценностно-нормативной поколенческой преемственности и размыванием политических идентичностей элит, достаточно часто объясняют геополитическими противоречиями современной глобализации и информационными, цифровыми инновациями в экономических и политических коммуникациях, сопровождающихся появлением возможностей для новых форм авторитаризма, усилением влияния антидемократических, этнонационалистических и популистских дискурсов [Fuksas, Gökaç 2019]. Этому сопутствует и процесс разрушения «равновесия поколений», связанный с миграционными процессами, демографической ситуацией и неэффективной государственной политикой в этой области [Krastev 2020: 73–74], что ведет к оформлению у молодых поколений аполитичных консью-

меристских стратегий выживания, сопровождаемых вспышками насильственных анархических протестов. Новые возрастные страты все чаще оказываются в ситуации «страха перед страхом», связанной с тем, что стандартизированные ожидания, которые культивировались в процессе социализации, вступают в противоречие с нестандартными реальностями, умножая когорты прекариатов [Bude 2018].

Стремительное размывание, подвижность институциональных границ и ценностно-нормативных иерархий между «миром молодежи» и «миром взрослых» в современных коммуникациях ведет к тому, что политические отношения между поколениями приобретают не только высокую степень вариативности, но и непредсказуемость, сопровождаемую деградацией политических коммуникаций. На фоне происходящих изменений все очевиднее ценностно-нормативные ограничения традиционных моделей политической социализации, поскольку несомненно недоверие представителей молодого поколения к существующим политическим институтам и ценностной риторике политических элит при отсутствии у них самих сколь-нибудь отчетливой политической идентичности.

Мы полагаем, что современные проблемы социализации поколений и рекрутирования социально-ответственных, эффективных политических элит связаны не только с обострением ценностно-нормативного позиционирования «младших» и «старших поколений», но что так или иначе обращали внимание теоретические модели политической социализации прошлого столетия, но и с качественными изменениями в символических способах позиционирования молодых поколений и неформальных акторов политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций. Это обуславливает необходимость существенной коррекции теоретико-методологических оснований исследований современной политической социализации и поколенческой преемственности, переосмысления ее концептуального инструментария.

При этом мы не ставим перед собой задачу прикладного анализа специфики многочисленных политических групп или субкультур, представленных в современной межпоколенческой динамике, а ориентированы на артикуляцию теоретико-методологических приоритетов анализа политической социализации с фокусом на роли и специфике коммуникативного процесса социального конструирования политических поколений и политических элит в современном коммуникативном пространстве. Статья нацелена прежде всего на решение теоретико-

методологических вопросов, значимых, по нашему мнению, для осмысления специфики процесса политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций: на какие теоретико-методологические посылки ориентируются современные исследования политической социализации поколений и политических элит как акторов этого процесса и какие в связи с этим обозначаются теоретические проблемы и перспективы их преодоления? Какие коммуникативные риски порождает социокультурная динамика современного общества и какую роль играют в межпоколенческой политической преемственности и активности акторов политической социализации символические структуры современной политической памяти? Отсутствие теоретико-методологической определенности при ответе на эти вопросы и позитивистские доминанты в научном дискурсе политической социализации неизбежно порождают своего рода когнитивный диссонанс в исследованиях процесса политической социализации, когда на первый взгляд ценностно и нормативно аргументированные эмпирические модели политической социализации молодежи вступают в очевидное противоречие с фактами острого кризиса политической преемственности поколений и свидетельствами неэффективности практик политической социализации.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК «ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ»: СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ АКТИВНОСТИ ЭЛИТ

При первом приближении теоретико-методологические проблемы изучения политико-культурного сопряжения молодых и старших поколений в политике достаточно регулярно артикулируются в исследованиях политической социализации начиная с 1960-х годов. Политическая социализация молодежи рассматривается как значимый феномен, связанный с процессом преодоления потенциальных поколенческих ценностно-нормативных расколов как внутри национальных сообществ, так и при внешнеполитическом позиционировании политических элит, принадлежащих к разным возрастным стратам. С начала комплексной научной концептуализации феномена политической социализации детей и молодежи в политической науке, связанной с выходом в свет работы Д. Истона и Дж. Денниса «Дети в политической системе» [Easton,

Dennis 1969], теория политической социализации неоднократно критически дорабатывалась в связи с появлением новых методологических инструментариев. Вместе с тем, на наш взгляд, можно проследить две устойчивые теоретико-мировоззренческие доминанты в исследованиях политической социализации.

Первая, уходящая в своих истоках к исследовательской программе Д. Истона и Дж. Денниса и позитивистская в своих основаниях, исходит из посылки, что основной объект политической социализации — «молодежь», «молодое поколение», которые рассматриваются как «граждане в ожидании и становлении», а поэтому нуждаются в политическом просвещении со стороны политических элит и практиках сбалансированного участия в политических процессах до достижения ими возраста официального включения в избирательный процесс.

Эта стратегия отталкивается от посылки, что общие институциональные параметры процесса политической социализации детерминируются иерархическими структурами (макроэкономическими, политическими и социальными), в рамках которых оформляются политические ориентации и проявляется политическая активность молодежи. При этом задача политической социализации — обеспечение стабильности регулятивного влияния политических элит на эту социально-возрастную страту для ее нормативной устойчивости. Разрушение иерархических структур подобного влияния рассматривается как некая аномалия. Молодые люди включаются в политическую жизнь и социальное конструирование политической культуры как «будущие», потенциальные граждане посредством существующих демократических институтов воспитания и образования, находящихся под контролем старших поколений. Эти институты, в свою очередь, детерминированы особенностями функционирования политико-правовых и идеологических институтов, контролируемых политическими элитами. В рамках этой теоретической установки политическая социализация и идентификация молодежи рассматривается как политизация возрастного меньшинства, обусловленная в конечном счете качеством и эффективностью политической активностью старших («взрослых») поколений в лице их элит.

Вторая тяготеет к трактовке политической социализации «молодежи» как динамичного социокультурных феномена, связанного с влиянием качественно новых коммуникативных феноменов, обусловленных ростом автономии политических коммуникаций. Эта исследовательская стратегия несколько ослабляет посылку первой об общности норма-

тивных характеристик политической социализации молодежи, акцентируя на том, что они зависят от конкретных исторических, социальных, экономических, культурных условий и технологий тиражирования политической информации. Молодежь рассматривается не только как социобиологический, психологический или социально-экономический фактор общественной институционализации, но и как социокультурная категория, поэтому концепции политической социализации и молодежной политики должны быть пластичны по содержанию и учитывать относительную коммуникативную автономию молодых людей. Подобная теоретическая установка нацелена на то, чтобы уделять большее внимание «голосам» молодежи, ее способности быть активными социальными субъектами коммуникативного процесса, способам включения или исключения молодежи из политики [Leonard 2016]. Из этой исследовательской установки следует, что более молодое поколение не просто адаптируется, позиционирует себя по отношению к ценностям «взрослого общества», но и участвует в переформатировании политических представлений старших поколений и элит. Наиболее очевидна подобная теоретическая смежность в политико-психологических исследованиях политической социализации, где наряду с методологией институционального анализа и аксиологическим моделированием широко используется аппарат когнитивных исследований и социально-психологический анализ процессов влияния чувственно-образной репрезентации политического на сознание молодежи.

Вместе с тем, несмотря на различие в ценностных акцентах по поводу «степени правомочности» молодых когорт в политическом процессе, обе исследовательские опции так или иначе разделяют посылку, что теории политической социализации поколений связаны с проблемой политической «зрелости» (*взрослости*) и зависят от специфики включенности молодежи в политический процесс. Процессы политизации, политической персонализации, идеализации и институционализации как следствие возрастной эволюции поколений и активности доминирующих политических акторов продолжают оставаться фокусом современных межпредметных исследований политической социализации и молодежной политики в современной политической культуре [Sears, Levy 2013: 59–95].

Сближает эти стратегии и взаимосвязь трактовок содержания базовых для подобных подходов понятий *молодежь* и *поколение*. Несмотря на вариативность в временных грациях, используемых при интерпре-

тации смысла и содержания этих понятий в рамках нормативных актов, говоря о молодежи, исследователи имеют в виду «молодых граждан» примерно от середины подросткового возраста до двадцати пяти-тридцати лет, так как именно в этом возрасте, по их мнению, в основном происходит политическая социализация [Pickard 2019: 29–30]. Понятие поколение при этом чаще всего используется для характеристики состояния социального единства людей, родившихся в определенном временном интервале (примерно в 20 лет). Кроме того, несмотря на констатацию проблем с реализацией политического участия современной молодежи в институциональной активности формальных политических институтов, в основном прослеживается умеренный либерально-демократический оптимизм по поводу адаптации молодежи и старших поколений к происходящим коммуникативным турбулентностям.

Так, в обстоятельных исследованиях европейских авторов в области молодежного политического участия, выполненных в русле синтеза двух исследовательских программ, акцентируется, что, несмотря на глобальную волну протестов молодежи, использующей цифровые технологии политической мобилизации, и нарастание репрессивных практик государственных институтов по отношению к протестантам, политическая активность молодежи, чтобы «сделать мир лучше для всех», так или иначе ведет к позитивным результатам для демократизации обществ и налаживанию конструктивного диалога с властью и старшими поколениями [Young People 2018; Pickard 2019].

Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя не замечать очевидных ограничений позитивистских стратегий, доминирующих в исследовании политической социализации. Возникающие на их основе теоретические концепции трактуют политическую социализацию как передачу ценностных образцов от одних возрастных страт к другим и важного измерения устойчивости воспроизводства политической культуры общества и легитимации политических элит. Значимая роль при этом отводится профессионализму, компетентности политических, административных элит и «демократической зрелости» организаций гражданского общества.

Однако нельзя не замечать сбоев в модели политической социализации, основанной на передаче ценностей и «должных образцов» от акторов процесса политической социализации, которые сами постоянно демонстрируют нарушение или разрушение этих образцов при декларировании значимости солидарных отношений, основанных на ценно-

стях прав человека и демократического участия. Как справедливо замечает политолог И. Крастев, поколение сформировавшиеся на рубеже веков — поколение «гугл-истории» («google history»), которое «живет по ту сторону истории», поскольку не связывает полученное знание исторических фактов и ценностных образцов с опытом предыдущих поколений [Krastev 2016: 58–59]. В связи с чем, не отвергая коммуникативную значимость ценностно-нормативной составляющей модели политической социализации как «вторичной переменной», которая позволяет артикулировать социальные проблемы и факторы сбоя в политической социализации, не следует ставить процесс интерпретации эффективности/неэффективности коммуникативных практик политической социализации в зависимость от ее ценностных, весьма идеологизированных обоснований, поскольку они либо слишком абстрактны, либо слишком конкретны в трактовках реалий современных коммуникаций и весьма часто ведут к когнитивному диссонансу при ее описании.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК «НЕЗАВИСИМАЯ» ПЕРЕМЕННАЯ: СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ АКТИВНОСТИ ЭЛИТ

Как уже отмечалось, рост асинхронности («разновременности») социальных коммуникаций, проявляющейся в росте различий в восприятии социального времени возрастными поколениями, и связанная с этим способность людей к взаимной адаптации, устойчивой корреляции между сменой поколений и динамикой формирования элит ведут к стремительной дисперсии институциональных и ценностных паттернов. «Новое» возрастное поколение все чаще начинает воспринимать общество и элиты как слишком консервативные или даже репрессивные [Giesen 2004: 31]. В реалиях динамики современных коммуникаций такие события, например, как современная ковид-эпидемия, могут стремительно вывести молодежные когорты и политические элиты из ценностно-нормативных ограничений прошлого политического опыта и принудить их к радикальному переформатированию существующих политических образцов, институтов и сложившихся ранее политических нарративов. Подобные процессы актуализируют существенную коррекцию смысла и содержания базовых концептов, используемых при моделировании политической социализации.

В связи с этим, на наш взгляд, особую значимость приобретают теоретические ремарки Н. Лумана, высказанные им в связи с парадоксами и особенностями коммуникаций и социализации в современном «обществе общества». Социализация в условиях растущей автономии и многослойности коммуникативных систем приобретает характер «самосоциализации», когда люди, стремясь адаптироваться под столь диверсифицированные требования столь многообразных коммуникативных сред, часто порождают непредсказуемые процессы, в том числе разрушительные для общества. Поскольку «каждая система вырабатывает собственные структуры» социализации, то они не могут быть предопределены универсальными культурными предписаниями или ранее работавшими программами социализации. В подобных коммуникативных реалиях это ведет к вариативности культурных программ социализации и непредсказуемости последствий при их реализации, ввергая людей в состояние «утраты реальности» [Luhmann 2013: 97–98, 100].

В силу подобной коммуникативной динамики регулятивному влиянию ценностных иерархий, полагал немецкий социолог, часто не хватает важных качеств, свойственным другим символическим носителям и их значимость при принятии решений становится весьма спорной. Ценности в подобных коммуникативных реалиях «не что иное, как очень мобильный», а не фиксированный набор точек зрения, напоминающих «воздушные шары», которые «должны быть под рукой, чтобы их можно было «надуть», когда потребуется, особенно по праздникам». Ценностные обоснования в современном обществе осуществляются посредством идеологий и аргументаций, где идеология может «совершать большие преступления», а аргументация «прибегать к мелким хитростям» [Luhmann 2012: 204–205].

Наконец, особенности современной коммуникативной реальности предполагают корректировку смысла и содержания такого значимого для исследовательских программ политической социализации концепта, как «поколение», и выявление специфики политического поколения, особенностей его социального конструирования в процессе политической социализации. Как уже отмечалось, в рамках исследовательской программы изучения политической социализации как «производной» от функционирования политических элит и социальных институтов общества поколения рассматриваются в качестве значимого социобиологического, социально-экономического и собственно политического

ресурса обеспечения функционирования и эволюции политического сообщества. Политическая социализация молодежи рассматривается при этом как политизация возрастного меньшинства, обусловленная в конечном счете качеством и эффективностью политической активностью старших («взрослых») поколений в лице их элит.

В современных работах по поколенческой динамике, выполненных в русле подобной исследовательской установки, акцентируется посылка, что эта динамика не носит характер линейного детерминизма, поскольку поколения — это всегда «симбиоз жизни и времени», «история создает поколения, а поколения создают историю» [Howe, Strauss 1997]. Однако несмотря на отсылки к роли и специфике больших политических нарративов, влияющих на трансформацию «молодого политического поколения» во «взрослое состояние» с последующим инкорпорированием наиболее активной когорты в политическую элиту, роль такого рода нарративов в становлении поколений и элит часто редуцируется к анализу «фактов» культурной, идеологической, социально-экономической или собственно политической активности. Анализ же причин подобной автономии политических коллективных представлений трактуется вполне традиционно, в контексте процессов институционализации и персонализации коммуникаций. К тому же политическая практика показывает, что более активное участие молодежи в протестных акциях часто связано с активностью контрэлит и неформальных политических акторов, которые запускают процессы отнюдь не из соображений признания значимости «прав молодежи» на политическое участие. Действенность же коллективных представлений возрастных когорт, связанная с изменением символического режима общества, остается за скобками исследования.

На наш взгляд, нуждается в артикуляции, обозначенная в свое время К. Мангеймом социологическая посылка, согласно которой, молодежь обретает социальную позицию (location) и чувство поколения тогда, когда в процессе вовлеченности составляющих ее когорт, подчас антагонистичных, в исторические события они конституируются как целостность в пространстве и времени [Mannheim 1952: 276–320]. Он последовательно развивает эту посылку, полагая, что оформление поколений и поколенческая преемственность напрямую зависят не от декларирования преемственности поколений либо отсутствия таковой в силу ценностного конфликта поколений и желания правящих элит сохранить любой ценой свое господство, а от процессов символизации

социальных событий, определяющих «непрерывность» поколений во времени.

Обозначенные выше теоретические послышки, на наш взгляд, позволяют выявить эпистемологические контуры исследовательской программы политической социализации как «первичной переменной». Социализацию можно рассматривать как своего относительно независимый процесс, обладающей самодостаточностью и потенциалом действенности, не сводимым к организационной или идеологической активности культурных и политических элит или социальных институтов. Политическую социализацию в этом теоретическом контексте можно представить как процесс символического структурирования горизонтов политических ожиданий членов политического сообщества, которые категоризируются и репрезентируются в «символических фигурах» политической памяти сообществ.

Социализирующая активность политических элит в этом аспекте измеряется способностью обрести собственные символические рамки и обеспечить посредством символической политики совместимость политических ожиданий возрастных когорт. Успешность политических элит определяется тем самым их способностью создания, воспроизводства не только своих символических границ, но и символического ресурса национальной памяти — больших политических нарративов (временной событийной структуры прошлого и будущего из настоящего), репрезентированных в символических конфигурациях. Политические поколения возникают не только в процессе включенности в реальность политических взаимодействий, а когда происходит «семантическое стягивание» представлений участников политической драматургии и возникает, несмотря на имеющиеся когортные противоречия, консенсус по поводу того, что следует считать политическим событием. Подобное семантическое стягивание часто связано с «травматическим запросом» на эмоциональное, институциональное и «символическое возмещение» в виде качественно новой интерпретаций событий прошлого и настоящего, которая меняют ролевую структуру и систему долженствования коллективных участников политических процессов в соответствии с этим новым видением [Alexander 2012: 6–30]. Политическая социализация в этом контексте — это не только «управление» политическими элитами памятью, но и власть памяти над акторами политической социализации.

Политическая культура, интерпретируемая как политическая память, предстает семантическим программированием политического

опыта и взаимосвязанным комплексом взаимных ожиданий, способов и схем включения индивидов и социальных групп в политические сообщества (или их исключения из таких сообществ) посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени. При этом под «ожиданиями» понимается не субъективные мотивации политических действий, а структура (конфигурация событий) «солидарность ожиданий», обеспечивающая «вероятность того, что нужного рода действие будет действительно совершено» [Филиппов 2015: 207–230]. На наш взгляд, введение в теоретический инструментарий исследования современной политической социализации таких концептов, как «национальная память» и «политическая память поколения», позволяет описывать этот процесс как самосоциализацию и независимую переменную по отношению к его функциональным и организационным параметрам.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНФЛЯЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАРРАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МОДЕЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Процессы, происходящие в политической памяти современного общества под воздействием коммуникативной диверсификации, существенно повышают автономию символических структур национальной памяти, проявляющуюся в конфронтации политик памяти, которые осуществляются политическими элитами и многообразными мнемоническими акторами, разрушающими национальную идентичность. Однако это не ведет к появлению более пластичных форм политической социализации, развитию либеральных моделей демократического участия, расширению пространства самоорганизации в гражданском обществе и росту позитивного политического участия молодежи в политическом процессе, как полагают оптимистично настроенные исследователи. Скорее наоборот, наблюдается феномен, свидетельствующий о коммуникативном кризисе, природу которого в свое время артикулировал Н. Луман в терминах символической инфляции и дефляции. Описывая механизм символической инфляции и дефляции, Н. Луман отмечал, что инфляция наступает тогда, когда коммуникация перерасходует свой потенциал доверия, т.е. «предполагает больше доверия, чем она может вызвать», и в политике она проявляется как «провозглашение

неосуществимой политики», которая обесценивает символические продукты и ведет к коммуникативному хаосу [Луман 2001: 191–192; 2007: 224–226]. Символическая инфляция в современной политике проявляется как масштабное «провозглашение неосуществимой», «отложенной политики», которая обесценивает не только политические решения и делегитимирует политические элиты, но и институты политической социализации. При коммуникативных сбоях это стимулирует акторов политической социализации осуществлять «политическую дефляцию», заменяя более сложные способы политической социализации простыми. В результате политическая элита и иные политические акторы утрачивают способность к эффективному контролю над политической социализацией, занимаясь продуцированием имитационных символических форм. При этом высока вероятность ускорения коммуникативного мятника политической инфляции-дефляции: от «чрезмерного использования» символического капитала политическими элитами к попытке его «девальвации», ведущей к деградации политических институтов и разрушению символических структур политической памяти социума.

Представляется обоснованной посылка французского антрополога Б. Стиглера, фиксирующего феномен «символической нищеты» — потери способности людей к самоидентификации в результате потери возможности участия в производстве символов, что ведет к разрушению пространственно-временного накопления событий и разрушению процесса поколенческой преемственности [Stiegler 2014: 10–33]. Индивидуализированные, лишенные устойчивых ценностных ориентаций и опыта солидарного существования акторы оказываются в ситуации, которая полностью находится вне их контроля [Dean 2019: 171–182].

Последствия глобальной пандемии коронавируса еще более обострили проблему преемственности политических поколений, стимулировав внешний и внутривнутриполитический изоляционизм, непредсказуемость политических коммуникаций и иллюзорность, имитационный характер существовавших ценностно-нормативных ориентаций. Более того, пандемия придала новый импульс «неэффективной символизации» и обострила чувство бессмысленности жизни, подавила стремление к изменениям, «прорисовывая» приближение «нового варварства» [Žižek 2020]. Подобные процесс актуализируют исследование рисков растущей активности символических структур, поиск моделей и методологического инструментария для их прогнозирования и преодоления в практиках политической социализации.

Как уже отмечалось, теоретико-методологическим ядром исследования специфики политической социализации современных сообществ является исследование специфики политико-культурной динамики символических структур национальной памяти и их действенности в социальном конструировании политической идентичности поколений. Подобная исследовательская стратегия предполагает разработку адекватного решению этой задачи теоретико-методологического инструментария. Такой методологический инструментарий, по нашему мнению, может быть разработан на основе теоретических интенций исследований, выполненных в русле современной политической культурсоциологии.

В контексте этой исследовательской стратегии национальную память можно рассматривать как долговременную форму политической памяти — взаимосвязанного комплекса символов и нарративов, обеспечивающих солидарное существование индивидов в сложных политических сообществах посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени из настоящего (семантическое программирование политического опыта). Национальная память возникает при социальном конструировании границ сообществ посредством политики памяти на основе их символизации. При этом ядром символического кодирования национальных сообществ являются «большие» политические нарративы и символические коды, предполагающие доминирование гражданского кода¹.

Анализ политических нарративов как базовых символических структур национальной памяти и их репрезентаций выступает ведущим звеном при описании специфики процесса политической социализации и мнемонической активности политических элит. В этом процессе большие политические нарративы выступают своего рода символическими структурами, обеспечивающими переформатирование частных политических дискурсов поколений, интегрируя их содержание в более устойчивые дискурсивные образования. Подобный процесс политической наррации обеспечивает смысловую институционализацию поли-

---

¹ Более подробно о специфике и возможностях культурсоциологической эпистемологии исследования социокультурной динамики политической памяти, специфике ее символических пространственно-временных границ, кодов, профилей легитимации и роли дискурса, кодов патриотизма для процесса политической идентификации современных элит, см. в: [Завершинский 2020].

тического пространства, снижая потенциал конфликтогенности политических дискурсов, возникающих в процессе политических коммуникаций, связанных с процессом борьбы политических элит за политическое доминирование. Политические метанарративы нормализуют и стабилизируют значения одних понятий, в то же время изолируя и исключая другие [Gill 2011: 3–6]. Они выступают как символические практики обоснования политических событий в национальной памяти с целью поддержания социального равновесия [Patterson 1998: 315–331], являясь неотъемлемым компонентом социального конструирования политических сообществ, создавая символические структуры для конвенциональной интерпретации национальной памяти, противостоя радикальным интерпретациям частных дискурсов.

Нарративы влияют на представления поколений о политической реальности и особенности ее знаково-символической репрезентации, которые, в свою очередь, воздействуют на появление и структурирование политических ожиданий и социокультурную динамику событийной структуры национальной идентичности. Политические нарративы возникают в процессе семантического снятия дихотомии символического бинарного кодирования, лежащего в основании политической динамики, привнося упорядоченность в трактовку временного и пространственного дизайна коллективно-значимых событий национальной памяти. Бинарное кодирование обеспечивает символическую классификацию мира, упорядочивая символические рамки временного и пространственного дизайна коллективно значимых политических событий [Alexander 2006]. Нарративы, в отличие от двоичных кодов, привносят упорядоченность в последовательность событий, а не акцентируют различия, позволяя ответить на вопросы «кто мы» и «откуда», согласовывая коллективные действия с «конечными» вопросами на уровне повседневности. Подобную бинарность и возникающее в связи с этим ее нарративное снятие можно интерпретировать посредством трех дискурсивных измерений, связанных со спецификой ролевой структуры, социальных связей и институционального дизайна. Нарративы как дискурсивные практики обоснования событий в виде логической последовательности имеют сюжетную структуру (начало, развитие и финальное разрешение) [Smith 2005: 14–24].

Принципиальными в связи с этим видятся теоретические посылки исследователей, работающих в русле культурсоциологического анализа, позволяющие конкретизировать стратегию репрезентации символиче-

ских структур политических нарративов и их специфику в том или ином обществе. Описание профилей легитимации национальной памяти предполагает исследование конфликтной динамики символических контуров национальной памяти, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и умножения конфликтов идентичностей и специфику патриотических дискурсов [Olick 2016].

От политико-культурной динамики семантического содержания этих фигур и их символических конфигураций зависят изменения в политических событиях, восприятии их как триумфальных или травматических, что ведет к изменениям в нарративной структуре политических событий и национальной идентичности. Влияет на характер структурирования политических нарративов, как уже отмечалось, и жанровая специфика политической наррации, связанная с конкретными особенностями и интенсивностью символической поляризации на героев и злодеев. При этом Ф. Смит в упомянутом выше исследовании, выделяет три основных жанра политических нарративов: со слабым потенциалом меморизации, с более сильным — жанр трагизации/романтизации и апокалиптический как наиболее действенный из всех нарративных жанров [Smith 2005].

Таким образом, исследование политической социализации с учетом особенностей нарративных структур национальной памяти позволяет выявить их семантический потенциал и значимость для продуцирования тех или иных нарративов национальной идентичности в процессе символической политики, реализуемой политическими элитами. В этом теоретическом контексте политическое поколение, объединяющее возрастные страты и, соответственно, новая «элита поколения», возникают не только из альтернативных молодежных субкультур или практик господства «старшего поколения элит», а в результате рождения и столкновения многообразных нарративов политической идентичности в коммуникативном и весьма конфликтном пространстве современной политической памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях растущей мобильности политических коммуникаций все более проблемной становится социализирующая роль политических

элит и традиционных институтов политической социализации по обеспечению процесса поколенческой преемственности и рекрутирования элитами в свой состав представителей новых возрастных поколений. Мир переживает процессы трансформации национальных политических систем, сопровождающихся не только традиционными ценностно-нормативными межпоколенческими конфликтами и естественной возрастной ротацией состава политических элит, но и качественными изменениями социокультурных параметров взаимосвязи поколенческих общностей и политических элит при их политической самоидентификации.

Проблемы политической социализации поколений и рекрутирования социально-ответственных эффективных политических элит связаны не только с обострением ценностно-нормативного позиционирования «младших» и «старших поколений», а с качественными изменениями в символических способах позиционирования молодых поколений и неформальных акторов политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций. Это обуславливает необходимость существенной коррекции теоретико-методологических оснований исследований современной политической социализации и поколенческой преемственности, переосмысление ее концептуального инструментария.

При всей вариативности интерпретации и методологического инструментария современных исследований политической социализации в них доминирует интерпретация этого процесса как «зависимой переменной». Включенность молодежи в политическую жизнь и социальное конструирование политической культуры описывается как превращение «граждан в ожидании» посредством существующих демократических институтов воспитания и образования, находящихся под контролем старших поколений, в реальных полноценных участников политических коммуникаций. Эти институты, в свою очередь, детерминированы особенностями функционирования политико-правовых и идеологических институтов, контролируемых политическими элитами. Значимая роль при этом отводится профессионализму, компетентности политических, административных элит и «демократической зрелости» организаций гражданского общества.

Растущая автономия коммуникативных процессов и их символических систем актуализируют исследование специфики реализации социальными элитами политики политической социализации и осо-

бенностей их политической самоидентификации как производной от символических структур политических взаимодействий поколений. В рамках ее политическую социализацию можно рассматривать как своего относительно независимый процесс, «независимую переменную», обладающую самодостаточностью и потенциалом действенности и не сводимой к организационной или идеологической активности культурных и политических элит или социальных институтов. Политическую социализацию в этом теоретическом контексте можно представить как процесс символического структурирования горизонтов политических ожиданий, которые категоризируются и репрезентируются в «символических фигурах» политической памяти сообществ.

Исследование политической социализации с учетом особенностей нарративных структур национальной памяти позволяет выявить семантический потенциал и значимость для продуцирования тех или иных нарративов национальной идентичности в процессе символической политики, реализуемой политическими элитами. В этом теоретическом контексте политическое поколение, объединяющее возрастные страты, и соответственно новая «элита поколения» возникают не только из альтернативных молодежных субкультур или практик господства «старшего поколения элит», а в результате рождения и столкновения многообразных нарративов политической идентичности в коммуникативном и весьма конфликтном пространстве современной политической памяти.

К сожалению, проекты политической социализации, социального конструирования политической памяти, где политические нарративы ведут к общности эмоциональных и символических обязательств как на национальном, так и международном уровне [Alexander 2010: 278], часто остаются утопическими или ведут к катастрофическим последствиям. Возникновение при этом деятельных политических поколений с адекватными им «элитами поколений» не столь частое явление, как и долговременное их существование. Остается надежда, что наблюдаемая и углубляющаяся в современных политических коммуникациях разрушительная и конфликтная драматургия символической инфляции больших политических нарративов и частных эсхатологических политических дискурсов будет разрешена в будущем не на основе переживания коллективного травматического опыта физического самоуничтожения, а в процессе коммуникативного диалога и посредством безопасных практик политической социализации.

Литература

Дука А.В. От какого наследства отказываются российские элиты (эволюция смысла Великой Отечественной войны во властном дискурсе) // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 2. С. 97–128.

Завершинский К.Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 2. С. 77–96.

Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.

Луман Н. Медиакommunikation. (Общество общества. Ч. II). М.: Логос. 2005. 280 с.

Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Т. 2 / под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 207–230.

Alexander J. C. The Civil Sphere. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 816 p.

Alexander J.C. The performance of politics: Obama's victory and the democratic struggle for power. New York: Oxford University Press, 2010. xiv, 364 p.

Alexander J.C. Trauma: A Social Theory. Malden: Polity Press, 2012. 232 p.

Bude H. Society of Fear. Cambridge, UK: Polity Press, 2018. 147 p.

Dean J. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics // Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data / ed. by D. Chandler, Ch. Fuchs. London: University of Westminster Press, 2019. 242 p.

Easton D., Dennis J. Children in the Political System. New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.

Fuksas V. K., Gökyay B. The Disintegration of Euro-Atlanticism and New Authoritarianism. Global Power-Shift. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. 211 p.

Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories // Time & Society. 2004. Vol. 13, № 1. P. 27–40.

Gill G.J. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. New York: Cambridge University Press, 2011. 364 p.

Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York: Broadway Books, 1997. 400 p.

Krastev I. The Fear of Shrinking Numbers // Journal of Democracy. 2020. Vol. 31, № 1. P. 66–74.

Krastev I. The Crisis: Solidarity, Elites, Memory, Europe // Solidarity and the Crisis of Trust / ed. by Jacek Koltan. Gdańsk: European Solidarity Centre, 2016. P. 51–62.

Leonard M. The Sociology of Children, Childhood and Generation. London: Sage Publications Ltd, 2016. 184 p.

Luhmann N. Theory of Society. Vol. 1. Stanford, California: Stanford University Press, 2012. 488 p.

Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Cambridge; Malden: Polity Press, 2013. 284 p.

Mannheim K. The Problem of Generations // Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul; New York: Oxford University Press, 1952. P.276–320.

Olick J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago; London: The University of Chicago Press. 2016. x+517 p.

Patterson M., Monroe K.R. Narrative in Political Science // Annual Review of Political Science. 1998. Vol. 1. P. 315–331.

Pickard S. Politics, Protest and Young People. Political Participation and Dissent in Britain in the 21st Century. London: Palgrave Macmillan, 2019. 508 p.

Robles-Morales J., Córdoba-Hernández A. M. Digital Political Participation, Social Networks and Big Data: Disintermediation in the Era of Web 2.0. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. xi+151 p.

Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development // Oxford Handbook of Political Psychology / eds. D. O. Sears, L. Huddy, and R. Jervis. New York: Oxford University Press, 2013. P. 59–95.

Smith P. Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. x+254 p.

Social Movements, Digital Practices and Surveillance / ed. by L. Melgaço, J. Monaghan. New York: Taylor & Francis Group, 2018. x+176 p.

Stiegler B. Symbolic Misery Volume 1: The Hyperindustrial Epoch / transl. by B. Norman. Cambridge: Polity Press, 2014. viii+118 p.

Stiegler B. The Age of Disruption Technology and Madness in Computational Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2019. viii+418 p.

Young People Re-Generating Politics in Times of Crises / Ed. by S. Pickard, J. Bessant. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2018. xvi+410 p.

Žižek S. Pandemic! COVID-19: Shakes the World. New York; London: OR Books, 2020. 146 p.

“GENERATIONS OF ELITES” VS “ELITE OF GENERATIONS”: COMMUNICATIVE DIMENSIONS OF POLITICAL ELITE’S SOCIALIZATION

K. Zavershinskiy

(zavershinskiy200@mail.ru)

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Citation: Zavershinskiy K. «Pokoleniya elit» vs «elita pokolenij»: kommunikativnye izmereniya socializacii politicheskikh elit [“Generations of elites” vs “elite of generations”: communicative dimensions of political elite’s socialization]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 123–147. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.5>

Abstract. *This paper examines the specifics and role of political socialization in the generational continuity and institutionalization of political elites influenced by contemporary political communication. The diversification of symbolic production, the increasing number of political communication actors, the growing variability of political ideologies, and ways of representing politics foreground the theoretical modeling of political socialization as a specific political communication depending on the spatio-temporal design of political events in particular national communities. According to the author, these dynamic enables considering differences in perceiving the significance of certain political events by generations and the peculiarities of the political elites’ positioning. Against this background, the formation of political elites is not reduced to the changing “generations of elites,” recruiting them or adapting new generations to existing value-normative regimes through the socialization executed by the dominant elite groups. The constitution of political elites appears as a communicative, symbolic structuring of the generational political expectations and, on this basis, the emergence of political generations and the “political elite of generations.” A decisive role in studying the political socialization of generations and the resulting constitution of political elites is played by the analysis of the dynamics of national memory’s symbolic structures, including various competing symbolic representations of the past and the future, the typology of the heroic, ideas of guilt and responsibility. The author emphasizes the importance of investigating the effectiveness of symbolic structures of political memory and the role of political narrative in examining the policy of inter-generational succession and, on this basis, the emergence of political generations and political elites. Utilizing the theoretical and practical explications of cultural sociology as a methodological basis, the author proposes new theoretical approaches to studying the political socialization of generations in contemporary society.*

Keywords: *political socialization, political expectations, political generations, political elites, political memory, symbolic structures, political narratives.*

References

- Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 816 p.
- Alexander J.C. *The performance of politics: Obama's victory and the democratic struggle for power*. New York: Oxford University Press, 2010. xiv+364 p.
- Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory*. Malden: Polity Press, 2012. 232 p.
- Bude H. *Society of Fear*. Cambridge, UK: Polity Press, 2018. 147 p.
- Dean J. Critique or Collectivity? Communicative Capitalism and the Subject of Politics. In: *Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data*. Ed. by D. Chandler, Ch. Fuchs. London: University of Westminster Press, 2019. 242 p.
- Duka A.V. Ot kakogo nasledstva otkazyvayutsya rossijskie elity (evolyuciya smysla Velikoj Otechestvennoj vojny vo vlastnom diskurse) [What inheritance the Russian elites are rejecting (evolution of the meaning of the Great Patriotic War in the discourse of power)]. In: *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2020, T. 7, no. 2, pp. 97–128. (In Russian)
- Easton D., Dennis J. *Children in the Political System*. New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.
- Filippov A. F. Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya pervaya [Mobility and solidarity. Article One]. In: *Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy* [Sociologia: Observations, Experiments, Prospects]. Vol. 2. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2015, pp. 207–230. (In Russian)
- Fuksas V. K., Gökay B. The Disintegration of Euro-Atlanticism and New Authoritarianism. *Global Power-Shift*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019, 211 p.
- Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories. *Time & Society*, 2004, 13 (1), pp. 27–40.
- Gill G.J. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. New York: Cambridge University Press, 2011. 364 p.
- Howe N., Strauss W. *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. New York: Broadway Books, 1997. 400 p.
- Krastev I. The Crisis: Solidarity, Elites, Memory, Europe. In: *Solidarity and the Crisis of Trust*. Ed. by Jacek Koltan. Gdańsk: European Solidarity Centre, 2016, pp. 51–62.
- Krastev I. The Fear of Shrinking Numbers. *Journal of Democracy*, 2020, 31 (1), pp. 66–74.
- Leonard M. *The Sociology of Children, Childhood and Generation*. London: Sage Publications Ltd., 2016. 184 p.

Luhmann N. *Introduction to Systems Theory*. Cambridge; Malden: Polity Press, 2013. 284 p.

Luhmann N. *Mediakommunikacii (Obshchestvo obshchestva. CH. II)* [Media Communications (Society of Society. Part II)]. Moscow: Logos, 2005, 280 p. (In Russian)

Luhmann N. *Theory of Society*. Vol. 1. Stanford, California: Stanford University Press, 2012, 488 p.

Luhmann N. *Vlast'*. [Power]. Moscow: Praxis, 2001, 256 p. (In Russian)

Mannheim K. The Problem of Generations. In: Mannheim K. *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul; New York: Oxford University Press, 1952, pp. 276–320.

Olick J. K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, London: University of Chicago Press, 2016, x+517 p.

Patterson M., Monroe K.R. Narrative in Political Science. *Annual Review of Political Science*, 1998, 1 (1), pp. 315–331.

Pickard S. *Politics, Protest and Young People. Political Participation and Dissent in Britain in the 21st Century*. London: Palgrave Macmillan, 2019, 508 p.

Robles-Morales J., Córdoba-Hernández A.M. *Digital Political Participation, Social Networks and Big Data: Disintermediation in the Era of Web 2.0*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019, xi+151 p.

Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development. In: *Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. by D.O. Sears, L. Huddy and R. Jervis. New York: Oxford University Press, 2013, pp. 59–95.

Smith P. *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. x+254 p.

Social Movements, Digital Practices and Surveillance. Ed. by L. Melgaço and J. Monaghan. New York: Taylor & Francis Group, 2018. x+176 p.

Stiegler B. *Symbolic Misery. Volume 1: The Hyperindustrial Epoch*. Translated by B. Norman. Cambridge: Polity Press, 2014, viii+ 118 p.

Stiegler B. *The Age of Disruption Technology and Madness in Computational Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2019, viii+ 418 p.

Young People Re-Generating Politics in Times of Crises. Ed. by S. Pickard, J. Besant. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018, xvi+410 p.

Zavershinskij K.F. «Patriotizm elit» kak diskursivnoe izmerenie simvolicheskikh struktur nacional'noj pamyati ["Patriotism of the Elites" as a Discursive Measurement of the Symbolic Structures of National Memory]. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2020, 7 (2), pp. 77–96. (In Russian)

Žižek S. *Pandemic! COVID-19: Shakes the World*. New York; London: OR Books, 2020. 146 p.